

Секретный футболист

Изнанка
футбольного
мира

Личность
автора
до сих пор
не раскрыта

Бestseller The Sunday Times

Книга от легендарного журналиста The Guardian

Анонимный автор

**Секретный футболист.
Изнанка футбольного мира**

«ЭКСМО»

2012

УДК 796.332
ББК 75.578

Анонимный автор

Секретный футболист. Изнанка футбольного мира /
Анонимный автор — «Эксмо», 2012

Автор – анонимный игрок английской Премьер-Лиги – с 2011 года ведет колонку в британской The Guardian. Наконец тайны футбольного мира сошли со страниц газетной периодики и все самые скандальные подробности объединились в одном издании. Читая Секретного футболиста, вы проникнете за закрытые двери раздевалок, где тренеры проворачивают махинации за крупные и грошовые гонорары, поймете, как выстраивается коммуникация футболистов в команде, как они относятся к другим людям и к самой игре.

УДК 796.332
ББК 75.578

© Анонимный автор, 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Введение	6
Рассказ жены	8
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Секретный футболист. Изнанка футбольного мира

© Дизайн обложки, Крадышев А. Н., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Эта книга лучше любой помпезной футбольной биографии на книжных полках и точно стоит того, чтобы к ней присмотреться.
Sunday Business Post

Еще ни разу со времени введения абсолютного запрета¹ личность анонимной звезды спорта не вызывала столько спекуляций, какие окружают... Секретного футболиста.
Choice

Исключительно пронизательный и своенравный взгляд на современную игру.
Morning Star Online

¹ Super injunction (англ.) – один из видов судебного запрета, не разрешающий упоминать сам факт существования запрета. – *Примеч. ред.*

Введение

Пол Джонсон, заместитель редактора Guardian News and Media

«Я – Секретный футболист» – это одновременно и громкое заявление, и лозунг для достижения цели. С тех пор как он написал свою первую колонку для Guardian два с половиной года назад, многие прикладывали серьезные усилия для того, чтобы раскрыть его личность. Попытки идентифицировать Секретного футболиста посредством тщательного анализа его работ, где упоминаются какие-либо имена, игры, клубы и матчи, предпринимаются до сих пор. На фанатских форумах постоянно идут дебаты на эту тему. Есть даже специальный сайт, посвященный ему – www.whoisthesecretfootballer.co.uk. Фанаты выдвигали на эту роль несколько десятков игроков. По словам тех, кто полагает, что смог разгадать его загадку, он играет за «Блэкберн», «Сандерленд», «Фулхэм», «Болтон», «Вулвз», «Бёрнли», «Ньюкасл», «Лестер», «Ливерпуль», «Вест Хэм», «Эвертон», «Тоттенхэм», «Бирмингем» или «Селтик». Ну, и еще за пару команд.

Во введении к посвященной ему статье из «Википедии» сказано, что он англичанин и сыграл как минимум за два клуба английской Премьер-лиги. Споры и поиски подсказок увлекательны и вполне понятны – возможно, однажды наступит день, когда он решит раскрыть свою личность. Но писать так, как он, детально рассказывая об игре и людях, к ней причастных, в открытую было бы невозможно. Его клубу (или клубам?) это бы не понравилось и, вероятно, привело бы к расторжению контракта. А его агент и тренер (или тренеры?) гарантированно были бы в ярости.

Он говорит нам, каково это – забивать в ворота «Манчестер Юнайтед», рассказывает о Джоне Терри и о том, как отреагировал на удар локтем в лицо: «Я ударил его по ногам так сильно, как только смог, после чего он повалился на землю». Он описывает жизнь с зарплатой в 1,4 миллиона фунтов в год (равно как и с ипотекой в 19 тысяч фунтов в месяц) и то, как, по его собственным словам, это «предоставляет уйму возможностей для досуга». Пронеры, коричневые конверты, сделки, запутанная система бонусов; зловерные и понимающие менеджеры; отзывчивые партнеры по команде и неуверенные в себе; пресса, женщины и выпивка – все это здесь есть, и масштабы могут быть вполне себе пугающие.

Но Секретный футболист – не такой, он другой, и эти различия, выделяющие его на фоне остальных, начали проявляться в его жизни рано. Он описывает свое взросление в среде рабочего класса, когда ему приходилось играть в растянутых трениках, доставшихся от кого-то по наследству. Он родился в любящей и заботливой семье, где был отец, приучивший его читать классику – Шекспира, Диккенса, Джойса и т. д. Он попал в спорт не привычной дорогой и вынужден был мириться с парадоксом: жил своей мечтой, играя в футбол, но постоянно боролся с досадой и разочарованием за пределами поля. То же напряжение он испытывал, изо всех сил стараясь не забывать свои корни и одновременно развивая в себе вкус к хорошему вину, дорогим произведениям искусства и роскошным путешествиям. Это давление довело его до того, что он стал сомневающимся, скрытым и непостоянным; он стал искать помощи и подсел на таблетки, когда обнаружил, что после тренировки просто садится в кресло и сидит не двигаясь, пока не настанет время ложиться спать. Все это рассказано так, словно мы реально наблюдаем за его жизнью.

Какое-то время назад, листая Financial Times в выходной, Секретный футболист наткнулся на колонку, написанную агентом по недвижимости, пожелавшим остаться анонимным. В этой статье показывался целый мир, не понаслышке знакомый и покупателям, и продавцам, мир, сильно отличающийся для тех, кто в теме: более сложный, потенциально

опасный и всегда с двойным дном. Сходства с футболом были слишком очевидными. Ведь это игра, которую смотрят миллионы, она всегда подробно описывается и преподносится в самых красочных деталях, как в газетах, так и на радио, телевидении и в Интернете. Тренеры и игроки дают интервью, бывшие профессионалы пишут статьи. Тактика, личности, деньги и мотивы бесконечно обсуждаются. И все-таки, что мы в конечном счете понимаем? Ответ Секретного футболиста на этот вопрос прост: не так уж и много.

Так у него появилась идея создания колонки. Когда нам (Иэну Прайору, спортивному редактору Guardian, и мне самому) предложили ее публикацию, мы решили, что у этого проекта фантастический потенциал. Но мы также сомневались, будет ли он честен, все ли решится освещать, сможет ли он поддержать разговор на некоторые темы, умеет ли он вообще писать? Все эти мысли улетучились, как только пришла первая его работа – и с тех пор его статьи стали только лучше. Эта книга, увидевшая свет в 2012 г., была его идеей. Вся она – целиком его слова, его опыт, его собственные мысли и эмоции. Он – удивительный человек.

Лондон, август 2013 г.

Рассказ жены Жизнь с Секретным футболистом

Когда мы встретились, его имя никому не было известно. Абсолютно никому. Поэтому мы много разговаривали о том, чего хотели бы от этой жизни. У него была масса идей и задумок, которые были куда масштабнее городишки, в котором мы жили. Но особенно мне врезался в память тот факт, что он ни разу не упомянул, что хотел бы стать футболистом. Когда я познакомилась с его друзьями, они рассказали мне, насколько он хорош, но когда я спрашивала его самого об этом, он всегда менял тему разговора. Было ясно уже тогда, что он не хотел иметь ничего общего с тем, что он позднее сам называл клеймом позора футболиста. Он хотел, чтобы окружающие люди принимали его слова и поступки.

Когда он перешел в свой первый большой клуб, стало очевидно, что они имеют на него более серьезные планы, чем на регулярные выходы на поле по субботам. Они хотели видеть в нем своего мальчика с плакатов и постоянно выдвигали его для интервью, исполнения корпоративных функций и участия в спонсорских мероприятиях. Ничего необычного во всем этом не было, но все поменялось, когда некоторые члены совета директоров и руководства клуба захотели, чтобы он познакомился с влиятельными лицами из числа их друзей, поскольку знали, что он не выставит клуб в плохом свете.

Поначалу он был совсем не против участия в этих встречах, но вскоре стало ясно, что что-то здесь не так. Он сказал мне, что все, что у него спрашивали, касалось того, каким человеком являлся тот или иной футбольный персонаж и каково было играть против такого-то игрока. Так он достиг переломной точки своей жизни: его использовали, и он этому воспротивился.

Он надеялся, что сможет выстроить с этими людьми деловые отношения, говорить с ними об искусстве или других вещах. Однако стало ясно, что им он был интересен исключительно как футболист – и это его задевало. С тех пор, если они не хотели обсуждать с ним то, чем они занимаются и как зарабатывают на жизнь, он моментально начинал грубить. Он жестко обрывал их посреди разговора, а затем выставлял их глупыми и поверхностными людьми, желающими обсуждать только футбол. Так он разочаровал множество важных персон в клубе, и я думаю, что именно после этого карьера уже никогда не будет прежней: он стал отшельником, залег в темном и укромном месте на самое дно. Но никто не смел конфликтовать с ним, потому что он был невероятно важен для команды на поле. Его попросту оставили в покое. И, вероятно, именно поэтому никто в клубе не обратил внимания на его депрессию. Что неудивительно, потому что он снискал себе славу проблемного игрока с тяжелым характером.

Когда его карьера развернулась в другую сторону, ему было трудно это принять. Он столкнулся с колоссальным давлением и ненавистью со стороны фанатов, но всем, кто знал его лично, было очевидно: он попросту не мог нормально функционировать на поле. Я сказала: «Просто признайся им, почему ты себя плохо чувствуешь», – но он не сделал этого, и на следующее утро я проснулась и узнала, что вместо того, чтобы сказать, он об этом написал. Через день ему, кажется, полегчало. Он не хотел, чтобы люди знали о его недуге – ему просто нужно было сбросить этот камень с души.

Игра в футбол на высочайшем уровне стала реализацией одной из его профессиональных амбиций, но, я думаю, что он перерос это уже очень давно. Он часто говорил мне, что добился того, что планировал несколько лет назад, и теперь ему стоит уйти на покой.

Он звонил мне после матчей и жаловался, что ему было трудно сконцентрироваться на игре, потому что ему не давала покоя одна навязчивая идея. С тех пор у меня их уже

целый список. В его характере все держать под контролем, и, бывает, я замечаю, что он не спит в четыре утра, потому что не может уснуть из-за энергетических напитков, выпитых во время матча, и что-то пишет.

Игра в футбол не давала ему заниматься другими вещами, которыми он хотел разнообразить свою жизнь. Я убеждена, что его депрессия связана именно с этим: он ненавидит, когда ему говорят, в какое время и в каком месте ему надо быть, потому что он всегда выступал против авторитета любой власти. Он из тех, кого нужно оставить в покое и позволить заниматься тем, чем они хотят и когда они того хотят. Это невероятно эгоистично с его стороны, но именно тогда он чувствует себя наиболее счастливым. Он творческая личность, а таким людям приходится трудно, когда их в чем-то искусственно ограничивают.

Когда он сказал мне, что принял решение покончить с футболом, мы решили поговорить обо всех идеях, которые он хотел реализовать, прямо как в день нашей первой встречи. Но он ясно дал понять, что прежде чем двигаться дальше, он хочет сначала разобраться со своей карьерой игрока.

После того как он начал сотрудничать с Guardian на почве анонимной колонки в газете, то сообщил мне, что Пол Джонсон и Иэн Прайор долго беседовали с ним о его внефутбольных увлечениях и интересовались его мнением на самые разные темы. Он знал, что у него было кое-что, чего они хотели, прямо как тот первый большой клуб в его карьере; разница была в том, что они звонили ему, чтобы пообщаться обо всем на свете. Особенно часто для таких бесед с ним встречался Пол.

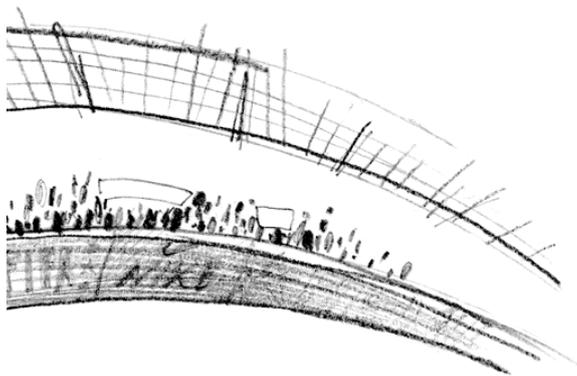
С тех пор он стал другим человеком. Он действительно оценил по достоинству то, что его воспринимают всерьез, и хотя именно футбол свел его с новыми коллегами, он вновь поверил, что людям интересны его идеи. И что более важно, там, где речь касалась его будущего, в нем видели не просто футболиста. Потому что все всегда было гораздо сложнее.

Глава 1

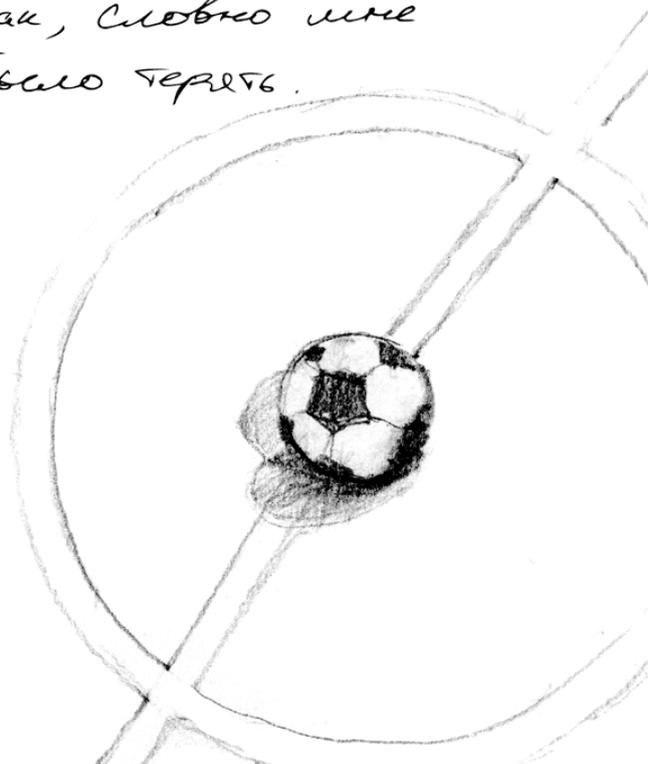
Первые шаги

Когда я начал зарабатывать на жизнь игрой в футбол, я поклялся, что никогда не превращусь в одного из тех ожесточившихся ветеранов-профессионалов, собрать коллекцию из которых, казалось, на тот момент решил мой новый клуб. Они были далеки от того, чтобы давать мне какие-либо советы или вводить меня в мир игры, зато не упускали возможность ткнуть меня носом в мои ошибки или намекнуть на проявление бестактности. В те дни я и понятия не имел, что футболисты начинают тренироваться в десять утра, а заканчивают в полдень. Я помню, как болтался по раздевалке после первой тренировочной сессии, ожидая что кто-нибудь скажет мне, когда можно идти домой. Никто не сидит с тобой с книжкой инструкций «как быть футболистом» и не учит тебя спортивной этикету. Ты либо из тех, кого тренеры называют «умудренным улицей», либо, на свою беду, слишком наивен. В моем случае я был таким же сырым, как и мой футбол.

Я по-прежнему считаю, что мне невероятно повезло, потому что я никогда не проходил через клубную академию, и на то есть две причины. Во-первых, я всегда имел кучу проблем с кем бы то ни было, кто имел власть, особенно если этой властью злоупотребляли, придав своей персоне больше важности, чем было нужно на самом деле. Во-вторых, я предпочитаю играть в то, что называется «уличным футболом». Воспитанника академии легко узнать за километр, но игроки, одаренные от природы, которых практически невозможно тренировать, всегда вызывают у зрителей больше всего ярких эмоций. К примеру, Лионеля Месси и Уэйна Руни муштровать не нужно: они играют точно так же, как играли на улице, будучи десятилетними мальчишками. Разумеется, стоит принимать во внимание, что их, возможно, придется интегрировать в какую-то схему или адаптировать под стиль игры, но в целом их выступление – чистый экспромт. Я не Месси и не Руни – давайте сразу это четко проясним, – но добрую часть своей карьеры я играл так, словно мне нечего было терять. Я обожал выходить против футболистов, которым все принесли на блюде с голубой каемочкой, а затем уходить с поля со своей законной бутылкой шампанского, полагающейся лучшему игроку матча. Не потому что я так люблю шампанское – но у этого напитка был вкус победы, одержанной ради всех тех ребят с улицы, которые так никогда и не добрались до большой игры.

Я не Месси и не Рунди —
давайте сразу это четко проясним.
Но большую часть своей карьеры
я играл так, словно мне
нечего было терять.

Как новичок, я незамедлительно забился в самый угол, достаточно удалившись от доминирующей группы игроков и подойдя ближе к тренеру. К сожалению, в мой первый день в качестве профессионала один скандинавский игрок, который был в числе тех самых ожесточившихся ветеранов, не одобрил мой выбор места в раздевалке и раскидал все мои вещи, пока я был на обеде. Вернувшись, я обнаружил свои пожитки разбросанными по всему коридору и душевой. Это стало для меня неожиданностью: я был убежден, что команда — это именно команда, группа людей, где все заботятся друг о друге, помогают друг другу и сражаются друг за друга. Как же я ошибался. Если и было что-то, что я усвоил, так это то, что у каждого игрока в раздевалке есть своя программа. Не имеет значения, кто из них твой

ближайший друг или заклятый враг – каждый тут сам за себя. Осознание того, что многие из них играют в футбол, потому что он оплачивает их счета и позволяет заработать на кусок хлеба и, что было даже хуже, многие из них являлись никудышными футболистами, стало для меня настоящим открытием. Но в то же самое время это придало мне невероятную уверенность в собственных силах.

Ребенком я играл в футбол дни и ночи напролет – я имел привычку брать с собой мяч даже в кровать, так что по пробуждении я мог чеканить его еще перед тем, как пойти в школу. Каждый день после уроков я просматривал кассету «101 великий гол» (ту самую с Бобби Чарльтоном на обложке), вычеркивая из списка каждый удар, который мне удавалось воссоздать либо в парке, либо на заднем дворе, где стояли два идеальных каштановых дерева, обеспечивавших простор для исполнения таких же дальних ударов, как у превосходного Эмлина Хьюза из «Ливерпуля» (не могу вспомнить номер того гола, но он был моим любимым, потому что на записи можно было слышать, как Хьюз орет во всю глотку, радуясь забитому мячу).

Вот почему я хотел играть в футбол: он предлагал мне возможность урвать кусочек славы и счастья и сбежать от занудной мирской жизни, что текла в маленьком городке, где я вырос. Моей главной целью была победа на чемпионате мира. У меня был альбом со стикерами Panini за 1986 г., который мне купил отец, и я с увлечением разглядывал всех этих иностранных игроков в разноцветной форме – звезд вроде Сократеса или Раца из России, Румменигге и, конечно же, Марадоны. Этот альбом показал мне дверь в большой дивный мир, и я попался на крючок. Много лет спустя одного из моих партнеров вызвали в сборную Англии; он был первым игроком из числа моих знакомых, кто добился подобного. То был волнующий момент для всех, и мне не терпелось расспросить у него, каково это. «О, это круто, кореш, – сказал он мне. – Тебе дают 50 тысяч за одни только имиджевые права».

Я не могу выразить то, насколько счастливым делала меня игра в футбол в детстве. Иметь возможность выйти на улицу и пинать мяч целыми днями, воображая себя Иэном Рашем или Гленном Ходдлом, было лучшим ощущением в жизни. Но хотя я и был поглощен футболом, отец взялся за мое образование не только в том, что касалось его любимой игры. Узкий круг лиц, которые в курсе, что я – Секретный футболист, задавали мне один и тот же вопрос: откуда в моих колонках эти странные, иногда совсем неочевидные обороты? Ответ – из богатой отцовской коллекции литературной классики, включавшей в себя книги Шекспира, Диккенса и Джойса, а также из оригинальных виниловых пластинок великих музыкантов, вроде «Beatles», «Pink Floyd», Дилана, «The Rolling Stones» и т. д. Пока некоторые из моих друзей уезжали в отпуск на курорты, отец не думал ни о чем другом, кроме поездки на две недели в Данию, на ферму. По пути он слушал вдохновленный наркотиками рок-н-ролл, а мы читали классическую литературу, сидя на заднем сиденье. Будучи десятилеткой, я бунтовал против этого порядка, не считая его нормальным. Но я бы ни за что в жизни не изменил его.

Не то чтобы я был академиком. Недавно я нашел один из старых школьных отчетов обо мне, в котором написано: «...не слушает и упускает ключевые рекомендации, что ведет к его отставанию от класса». Последующее улучшение концентрации только подчеркнуло мою поразительную неспособность придавать хоть какое-то значение тому, что говорилось в школе. Футбол был единственным, чем я хотел заниматься: будь на дворе утро, полдень или глубокая ночь, и я был убежден, что смогу добиться успеха. Родители подстегивали меня, мотивируя делать футбольную карьеру, и каждые выходные возили меня на матчи. Я играл за лучшие местные, окружные команды, а также за команды графства и за собственную школу. Я был известен как один из талантливых игроков, которые в то время появлялись тут и там. Кое-кто из них впоследствии стал профессионалом, другие сменили футбол на уважаемую работу, а третьи, вроде меня самого, понятия не имели, что делать в этой

жизни, если мечте о футбольной карьере никогда не суждено будет сбыться. И с течением времени перспектива играть на профессиональном уровне стала казаться такой же призрачной, как надежда запустить руку чуть выше внутренней стороны бедра Кейт Брукс на наших школьных уроках по науке.

В возрасте около пятнадцати-шестнадцати лет кое-кого из моих партнеров взяли в профессиональные клубы. Самым главным из них был парнишка, подписанный академией «Тоттенхэма» (его отчислили оттуда двумя годами позднее). Я и сам проходил просмотры и в целом показывал себя хорошо, но скаутами в моей стране были не тренеры и не менеджеры. Когда бы я ни приходил на такие просмотры, мальчишек ростом чуть выше метра моментально закидывали гнить на фланг, тогда как те, что были немного выше остальных, оказывались в центре обороны, несмотря на то, что они говорили скаутам, что их привычная позиция – в центре полузащиты или в нападении. Какое-то время спустя это повторялось. Это бесило меня, но что более важно, это раздражало папу, которому приходилось возить меня на другой конец страны, чтобы наблюдать за тем, как его сын час играет правого защитника, а потом еще пятнадцать минут на левом фланге.

Говоря по-честному, детский скаутинг для топ-клубов с тех пор не сильно стал лучше. Сеть скаутского траулера была как никогда большой, и призовой улов оказалось очень легко достать. Один мой друг, более десяти лет работающий скаутом в ведущем клубе, как-то сказал мне, что если бы однажды он заленился, ему бы даже не пришлось покидать собственный офис, потому что менее раскрученные клубы и так сами регулярно ему названивают, предлагая своих лучших молодых игроков. «С каждым годом эти звонки начинаются все раньше, и дети поступают все младше». И он знает, о чем говорит.

В начале 2012 г. «Челси» заплатил 1,5 миллиона фунтов за Патрика Бэмфорда, восемнадцатилетнего нападающего, который провел в большом футболе только двенадцать минут в составе «Ноттингем Форест». Фрэнк Кларк, председатель правления «Форест», объяснял, насколько все поменялось в мире футбола. «Раньше мы могли на пару лет придержать игрока у себя, подготовив его для первой команды, теперь же по-настоящему большие клубы готовы платить целые состояния за ребят тринадцати, четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет». Самое страшное, что мой друг признает: ему вовсе не обязательно играть по правилам. «Если я смогу составить конкуренцию другой большой команде – значит, я выполнил свою работу. Если футболист не стал регулярным игроком основы, это вина тренера, а не моя».

Когда в дело идут громкие имена, все становится проще. Пару лет назад я общался с другим своим приятелем, который на тот момент был шеф-скаутом одного из топ-клубов Премьер-лиги. Мы пили кофе, и я просто спросил, как у него жизнь. Его команда только-только стала чемпионом Англии, и я ожидал увидеть его сияющим от счастья. Но его ответ застал меня врасплох. «Каждый год одно и то же. После того как тренер и его штаб пробьют себе бюджет у владельцев, мы все садимся и начинаем изучать список возможных трансферов. Они все смотрят на меня и говорят: «Нам нужен атакующий полузащитник». И я говорю: «Ок, нет проблем, есть Тотти, Кака и Роналдиньо». У меня нет опыта работы шеф-скаутом, но если настанет день, когда мне предложат такую позицию в топ-клубе, я не сочту ее слишком сложной.

Что касается моих собственных попыток прорваться наверх, то мне было весьма трудно наблюдать, как некоторых моих партнеров выбирают профессиональные клубы. Я не считал, что они были такими же мастеровитыми, как я; более физически сильными, может быть, более фактурными в свои пятнадцать, чем я, но далеко не такими же техничными. К сожалению, в то время клубы скорее обращали внимание на физические данные игрока, нежели на его технические навыки.

К счастью, вышло так, что пока многие из моих друзей экспериментировали на наркотическом фронте в конце 1990#х, я смог, по крайней мере ментально, сбежать от всего

этого. Я принял решение, что чем бы я ни собрался заниматься в своей жизни, большая ее часть не будет спущена в унитаз в родном городке, где не происходило практически ничего интересного. Именно тогда, когда я планировал свой побег (за неделю до того, как должен был покинуть страну), моей матери позвонил некий скаут и спросил у нее, не желает ли ее сын прийти на следующей неделе на просмотр в клуб, на который он работал. В то время я не числился ни в одной лиге и получал что-то около 30 фунтов в неделю. Как я узнал позднее, со скаутом связался один из моих прежних тренеров, который сообщил ему, что у меня есть достаточный потенциал для того, чтобы устроить мне вторые смотрины. Также он сказал, что при дополнительном обучении они смогут сделать из меня готового профессионала.

Я не помню многого из того, что тогда происходило. Моя голова все еще была полна мечтаний о том, что в моем понимании называлось свободой, так что когда в перерыве тренер схватил меня за ворот в туннеле и сказал: «Отменяй свой отпуск – мы собираемся подписать тебя», радость, которую я мог почувствовать, затмил тот факт, что я уже заплатил за билет в один конец до Сан-Франциско, и реально думал только о том, что мне еще надо прикупить в магазине «Superdrug».

С тех пор я размышлял об этом почти каждый день. Я думал о том, что могло бы произойти, если бы мне хватило решимости тогда отказать ему. Несмотря на желание играть в профессиональный футбол, с тех пор как я начал ходить, я уже достаточно прожил, чтобы понять: как только ты привяжешь себя к чему-то, вернуть свою свободу станет очень трудно. Я раздумываю о том, где бы я мог быть сейчас. Выиграл бы я медали и получил бы свои пятнадцать минут славы за то, что сделал бы что-нибудь на отлично? Пережил бы я те моменты невероятного счастья после забитого гола или выигрыша решающего матча? Реальные вопросы, которые нужно задавать себе, таковы: было бы у меня больше настоящих друзей, если бы я был с ними рядом хотя бы в один уик-энд за последние двенадцать лет? Смог бы я прийти на свадьбу своего лучшего друга, где должен был быть шафером, вместо того чтобы в этот момент выслушивать отказ от «Арсенала»? Смог бы я присутствовать на похоронах, которые пропустил, и вообще избежать всех этих отсутствий, за которые меня так никогда и не простят? Сидел бы я на антидепрессантах, как сейчас? Разозлил бы я немалое количество людей только лишь потому, что не хотел быть таким же, как они? И знал бы я, чем и как измерить свою жизнь, помимо денег и успеха на поле? Опять-таки, кто знает? Как сказал кто-то однажды, футбол был моей любимой игрой.

Но я подписал контракт (500 фунтов в неделю, это было для меня целым состоянием), и моим главным ощущением от начала карьеры было то, что они позвали в святая святых чужака, того, кого, быть может, им не стоило впускать. И теперь, когда я был там, никто не мог с этим ничего поделать. Это ощущение никогда меня не покидало.

Если быть честным до конца, я сразу почувствовал, что совершил колоссальную ошибку. Уровень команды был низким, кое-кого из игроков я попросту не переваривал, а сам образ жизни был для меня совершенно непривычным. Я мог сидеть дома часами, раздумывая, чем бы мне заняться, а когда на следующий день я приходил на тренировку, меня травили за то, что я был «другим», что бы это слово ни означало. Поскольку я никогда не сталкивался с подколами, кое-кто из числа наиболее горластых ребят каждый день чихвостил меня ради собственного развлечения. Любимым их развлечением было говорить: «Ш-ш-ш-ш», каждый раз, когда я хотел что-то сказать, пока я, в конце концов, не перестал пытаться, или заставляя меня снимать шапку за обедом, утверждая, что ее ношение противоречит клубным правилам. Однажды они украли мой телефон и отправили тренеру сообщение, поблагодарив его «за прошлую ночь».

Я помню, как однажды сидел в раздевалке перед тренировкой, когда кое-кто из старших профессионалов разговаривал про «забегание третьего». Поскольку я никогда не слышал этот термин, я невинно спросил, не могут ли они объяснить его значение. Они посмотрели

рели на меня с отвращением. Тишину нарушил только еще более циничный игрок, который тогда редко выходил на поле: «И мы еще удивляемся, почему выигрываем так мало матчей – конечно, такое-то дерьмо подписывать».

Были и другие эпизоды, прочно застрявшие в моей памяти. Несколько старших игроков пасовали мне мяч с такой силой, с какой только могли, в жалких попытках заставить меня потерять над ним контроль, что было крайне нелепо, хотя с тех пор я узнал, что подобная инициация происходит всегда. В первый день Дуайта Йорка в «Манчестер Юнайтед» Рой Кин намеренно запустил в него мяч так сильно, что нападающий не смог его отбить. «Добро пожаловать в «Юнайтед», – сказал Кин. – Кантона такое на раз-два решал». Как бы сильно я ни возмущался тому, что со мной делали старшие игроки, в некотором смысле это пошло мне на пользу, потому что теперь я всегда приезжал на тренировку раньше других и заканчивал ее также позже всех. Подобное отношение только укрепило мое страстное желание стать лучше и оставить их позади.

Спустя примерно шесть месяцев, я смог продемонстрировать, что более чем способен играть на этом уровне. Я стабильно выступал и регулярно получал награды как лучший игрок матча (мы не могли позволить себе траты на шампанское, так что в качестве приза нам полагались фотография со спонсором и упоминание в программке на следующем матче). Я начал делать себе имя, что означало, что те, кто усложнял мне жизнь, постепенно теряли хватку. Примерно тогда же тренер смог сплавить изрядное количество ветеранов, так что мое положение в раздевалке резко изменилось с ничтожного до геройского. Я определенно проделал долгий путь с момента своего дебюта; помню как-то я услышал, как один из фанатов соперника выкрикивает мою фамилию. По глупости я подумал, что это мог быть кто-то из моего города, кто приехал посмотреть на мою игру, и потому обернулся. Как только это случилось, вся трибуна завопила: «Дрочила-а-а-а!» – и зашлась в хохоте. Я совершенно забыл о том, что когда ты играешь на таком уровне, на футболке указана твоя фамилия.

Я до сих пор не очень люблю ежедневную рутину жизни футболиста. Я получал удовольствие от игр, даже при том, что мы и близко не были Командой мечты, но посреди недели мне было ужасно скучно, я мог только сидеть дома, читать и смотреть телевизор. Часто я старался задержаться в клубе как можно дольше, просто чтобы чем-нибудь себя занять. Я часами набивал мяч об стену, на которой были нарисованы пронумерованные квадраты. Иногда мы играли друг против друга – нужно было попасть по всем шести квадратам в порядке очередности, и первый, кому это удавалось, получал 5 фунтов. Но кроме этого делать в клубе было нечего. Тренировочный центр был весьма примитивным: у нас был корт для хэд-тенниса², обнесенный колючей проволокой, и парковка, также служившая местом для отработки длинных передач, но ровно до тех пор, пока я метким попаданием не разбил окно тренерской машины, испортив всем настроение. Мой длинный пас с тех пор стал гораздо лучше, но счет в 180 фунтов за поврежденное стекло до сих пор снится мне в кошмарах.

В обычный день мы встречались на стадионе перед тем, как отправиться на тренировочное поле. Я был без машины, поэтому меня подвозил игрок, расположившийся рядом со мной в раздевалке, и его друзья. Они были очень сплоченной компанией черных ребят, и мне приходилось мириться с весьма поганым R'n'B, который играл на протяжении всей поездки, но по каким-то причинам они тепло относились ко мне и крестили меня в статусе «почетного брата». Этот титул означал, что они всегда заступятся за меня; если я попадал в неприятности, они мне помогали, и если я допускал ошибку, они мне сразу о ней сообщали. И в момент, когда я был на грани ухода из клуба, надеясь отыскать новые возмож-

² Когда игроки перебрасывают друг другу мяч головами через высокую сетку. – *Примеч. пер.*

ности, они сделали несколько звонков в свои прежние клубы, замолвив за меня словечко. Я многим им обязан.

Разницу между запугиванием и добродушными издевками лучше всего иллюстрирует то, что делала эта компания. Раз в неделю один из них приходил раньше всех и организовывал что-то вроде кустарной парикмахерской. Затем один за другим остальные черные игроки заходили туда и читали журналы, пока им приводили в порядок прически. Я всегда был первым, кто приезжал на тренировку не из этой компании, и чувствовал, что они достаточно расположены ко мне, чтобы разрешить мне подтрунивать над собой. Так что я говорил: «Да ну на фиг, Дезмонд опять здесь!» Или иногда я брал у кого-нибудь ножницы и, притворяясь, что стрижу сидящего в кресле, воображал себя парикмахером из фильма «Поездка в Америку». «Каждый раз, когда я говорю о боксе, белый человек тут же начинает корчить из себя гребаного Рокки Марчиано. Пошел ты, пошел ты и пошел ты. Кто следующий?» Я думаю, что они смеялись скорее из снисхождения, ибо мои пародии были посредственными, но для межрасовых отношений это было здорово. Однажды, правда, как только я зашел в дверь, меня атаковали пять черных мужиков, вооруженных машинками для стрижки и твердо намеренных сбрить все мои волосы. И говоря «все», я действительно имею в виду *все*.

По мере того как я становился известным, я начал ценить преимущества, что давала жизнь профессионального футболиста. К тому времени я уже покинул дом, перебрался поближе к тренировочной базе и жил рядом с другим игроком, с которым мы вместе путешествовали. Поскольку у нашего клуба почти не было денег, мы отправлялись на выездные матчи в день игры, что неслыханно для футбола более высокого уровня. Мы приезжали обратно поздно, иногда в два или три ночи, в зависимости от того, где играли, после чего садились в машину и ехали около 30 километров домой. В такие часы улицы практически всегда пусты, и мы обычно мчали на красный свет на приличной скорости, выезжая через город. Однажды, правда, нас остановил полицейский на мотоцикле, и мы, опасаясь худшего, уже приготовили оправдания. Оказалось же, что бояться нам совершенно нечего. Как только офицер увидел нас двоих в спортивных костюмах, он тут же стал поздравлять нас с результатом матча, а потом эскортировал нас из города.

С того момента этот полицейский сопровождал нас до ближайшей трассы практически после каждой выездной игры. Он поджидал нас у стадиона, мы немного обсуждали матч, клуб и футбол в целом, а потом он провожал нас из города. Я полагаю, что для полицейского это был самый запоминающийся момент его смены, и мы были очень ему благодарны. Я помню, как мы спорили о том, стоит ли нам чем-нибудь угостить его, кроме традиционного кебаба, который мы всегда предлагали ему, когда останавливались на поздний ужин. В конце концов, мы решили подарить ему эмблему клуба на булавке (с деньгами тогда было туговато), и к нашему восторгу он носил ее на своем полицейском жакете до конца нашего пребывания в клубе. И возможно, носит до сих пор.

Вспоминая те дни, однако, я могу привести множество причин, почему играть в футбол, будучи практически никому не известным, было настолько приятно. Ни на клуб, ни на меня самого не оказывалось никакого давления, но я все равно был очень жадным до побед; это было невероятным сочетанием, и сегодня я бы многое дал, лишь бы только пережить этот опыт снова. Тренер ожидал, что я буду делать ошибки, равно как и фанаты, но я всегда стремился к совершенству, и до тех пор, пока мои выступления держались на среднем уровне, я знал, что со мной все будет в порядке. Очень часто, однако, они были просто великолепными, и очень скоро я стал слишком крупной рыбой для нашего мелкого пруда.

Видеть точно такую же ситуацию сейчас, но уже со мной в роли умудренного опытом ветерана, не значит испытывать негатив, зависть или горечь. Напротив, я стараюсь помочь

всем, чем могу, будущему поколению игроков, даже если иногда бывает обидно и досадно видеть, как они не могут сделать что-то, что элементарно для старших игроков.

Несколько лет назад я всерьез раздумывал над тем, чтобы бросить футбол раз и навсегда, чтобы удовлетворить другие свои желания, но однажды внезапное просветление вынудило меня передумать. Иногда, когда матчи стоят один за другим, ты едва видишься с семьей, или играешь не так уж здорово. Результаты команды тем временем идут на спад, бывает, что все это разом может обратиться в тяжкий груз, не дающий покоя. Позднее я осознал, что в мои двери стучится депрессия, и моим ответом на ее зов была мысль о том, что я был бы гораздо счастливее, займись я чем-нибудь другим. Стоя в туннеле «Энфилда» перед матчем с «Ливерпулем», я вдруг почувствовал себя «в поисках утраченного времени», если вспоминать Марселя Пруста. Когда тренер выдал каждому игроку по мячу, я поднял свой к лицу и понюхал его. Не спрашивайте, почему – я никогда не делал этого, будучи профессионалом, ни до, ни после. Мяч был совершенно новым и выглядел так маняще. Запах вернул меня к тому состоянию и моменту, когда мама с папой подарили мне один из первых моих полноразмерных футбольных мячей, Adidas Tango. Каждый знает запах нового футбольного мяча, и в тот момент он внезапно вдохновил меня и напомнил обо всех причинах, по которым я хотел играть в футбол – он пах счастливыми и такими знакомыми временами. По мере того как шум стадиона нарастал и до меня донеслись первые узнаваемые аккорды You'll Never Walk Alone, я сказал самому себе, что буду помнить об этом моменте так долго, как только смогу.

Осознание того, что многие играют в футбол, только чтобы оплачивать счета и зарабатывать на кусок хлеба, стало для меня настоящим открытием.

Часто говорят о том, что 95 % того, что происходит в футболе, делается за закрытыми дверями, и поверьте мне, правда здесь куда интереснее любого вымысла. Вы можете увидеть нас играющими девяносто минут в субботу, а потом составите свое мнение о футболе, основываясь исключительно на этом кратком миге нашего появления перед вами. Можете наблюдать за тем, как аналитики часами разбирают тактику, не понимая, что то, что они говорят, едва ли раскрывает подноготную игры. Вероятно, вам доводилось читать о пресловутых вечеринках на Рождество в таблоидах, и задаваться вопросом, действительно ли они такие безумные и можно ли было в это поверить. Может, вы попросту не понимаете, как моло-

дые и внешне здоровые атлеты, у которых, казалось бы, есть все, что нужно для счастья, могут страдать от депрессии. Наверное, вы видели парочку так называемых WaGs³ по телевизору и спрашивали себя, какая в действительности у них жизнь. Возможно, вы недоумевали, почему определенный игрок может так слабо выступать в одном клубе и то же время блистать в другом. Существует ли расизм в современной игре? Насколько важен для команды тренер или капитан? Есть ли у официальных лиц какие-то предубеждения касательно больших команд? Что игроки на самом деле думают о телеэкспертах, Футбольной ассоциации Англии и ФИФА? Каковы потенциальные выгоды для иностранцев или агентов с именем в день закрытия трансферного окна? Как работает система бонусов для игроков? Что важнее: деньги или кубки? И что футболисты в реальности думают о вас, фанатах?

Единственный способ узнать ответы на многие из этих вопросов – прочесть книгу, которая написана анонимным игроком, выступавшим на самом высоком уровне. В этой книге я постараюсь объяснить, как именно устроен реальный футбольный мир за кулисами, вдали от жадных взглядов, просто описав здесь свой собственный опыт. Многие из этих историй мне бы не следовало вам рассказывать. Но я расскажу.

³ Wives & Girlfriends (англ.) – жены и подруги игроков. – *Примеч. пер.*

Глава 2

Главные тренеры

Что отличает хорошего тренера? Я играл у нескольких великолепных менеджеров⁴ и также играл у одного или двух настолько плохих, что с радостью инсценировал бы собственную смерть, лишь бы больше с ними не работать. Лучшие менеджеры добиваются абсолютного доверия со стороны подопечных, заставляют тебя собираться и концентрироваться одним своим появлением в раздевалке и оперируют игровой философией, которую футболисты встречают с энтузиазмом и несут за собой на поле с верой в успех и твердым моральным духом. Помимо прочего, однако, тренер должен быть уважаем всеми внутри клуба.

Простые качества бесценны. Игрокам важно, чтобы тренер был последователен и честен. Никто не хочет сидеть на лавке, наблюдая за игрой других, но объяснение причин, почему ты не на поле, особенно если ты потерял место в составе совсем недавно, может значительно смягчить твое недовольство. Футболисты будут уважать тренера за то, что он не доверился им, даже если они не согласились с его решением. Такое умение управлять людьми дает верные сигналы игрокам; оно помогает держать всех в узде и в результате позволяет выжать из состава абсолютный максимум. Когда происходит обратная ситуация, незалеченные раны и неприятные слухи о том, как тренер «потерял раздевалку», начинают всплывать одни за другими. Такое действительно имеет место – вероятно, не так часто, как может казаться некоторым из нас, но определенно бывали случаи, когда игроки переставали уважать менеджера. Я переживал такое. В тот момент это произошло потому, что мы разделяли общее мнение о том, что наша тактика полна ошибок, и это приводит к тому, что мы выглядим слабыми и, как следствие, проигрываем матчи. И хотя тренер временами может служить очень удобным козлом отпущения, в этом случае коллективная неудовлетворенность была абсолютно оправданной.

Футболисты подвергаются дисциплинарным взысканиям, но никакой единой системы предупреждений или штрафов для тренеров не существует. Вместо этого игроки перестают выкладываться на тренировках и в матчах и теряют свой пыл. Недавно один мой друг сказал мне, что дела в его клубе пошли настолько скверно, что ребята из команды всерьез начали подозревать, что происходящее – намеренный заговор, организованный тренером с целью добиться собственного увольнения. В конце концов, где еще, помимо банковской среды и мира финансов, вы можете отхватить многомиллионную неустойку за провал? Этот разговор определенно заставил меня задуматься о том, кто еще мог замышлять что-то подобное.

Тренерам не нужно, чтобы их любили. Я знаю пару игроков, которые ненавидят своих тренеров, но остаются суперуспешными под их руководством. Аналогично, я знаю одного-двух менеджеров, которые вынуждены терпеть всякие нелепые выходки своих подопечных только потому, что те чрезвычайно важны для команды. Тут вопрос во взаимоуважении, а не во взаимной приязни.

Некоторые игроки хотят стать менеджерами. Но и некоторые менеджеры до сих пор хотят быть игроками. Я помню, как в одном клубе меня оштрафовали за то, что я пошел в паб с парой друзей, будучи травмированным. И хотя это был вечер вторника, а следовательно, я не нарушил правило, согласно которому игрокам запрещено посещать места легальной продажи спиртных напитков за сорок восемь часов до игры, тренер утверждал, что любое количество алкоголя повредит моему восстановлению. Он оштрафовал меня на двухнедель-

⁴ В Англии принято называть главных тренеров футбольных клубов менеджерами, потому что они наделены более широкими полномочиями и совмещают непосредственно тренерскую работу с функциями, которые в других футбольных лигах выполняют спортивные директора. – *Примеч. пер.*

ную зарплату. Я не спорил, но как только мы покинули его кабинет, он тут же превратился в игрока, который с глупой сальной ухмылкой на лице, спросил: «Кстати, тебе что-нибудь перепало?» – имелось в виду, не проводил ли я какую-нибудь молодую леди до дома, хотя он знал, что у меня на тот момент были серьезные отношения с девушкой. Тренер выглядел разочарованным тем, что мне нечего было ему рассказать помимо того, за что он меня оштрафовал. В тот день мы оба потеряли уважение друг к другу, но каждый из нас – по своим причинам.

Меня часто спрашивают о штрафах. В обязанности некоторых людей, кажется, входит подсчет зарабатываемых футболистами денег, и, я полагаю, подсчет штрафов – важная часть этой работы. Я не могу назвать точное число раз, когда разные клубы, которые я представлял, официально штрафовали меня за провинности, но таких инцидентов было не больше полдюжины. Что же до тех случаев, когда мне нужно было скинуть денюжат, которые пошли бы в общий фонд, или пожертвовать на рождественские тусовки или вечеринку по случаю конца сезона, таких, должно быть, было несколько сотен.

Более мелкие штрафы, которые идут в общую корзину игроков, варьируются от 10 до 200 фунтов стерлингов, и могут быть выписаны за что угодно, начиная от того, что ты оставил бутылку с водой или предмет экипировки на тренировочном поле (на всех них представлен твой командный номер), до того, как ты опоздал на тренировку. Но не является диковинкой и «налог на сверхприбыль», доходящий до 2 тысяч фунтов, который с тебя могут взыскать в топ-клубе за какой-нибудь мелкий проступок – все зависит от тяжести «преступления», которое на тебя хотят повесить игроки. В одном из клубов у меня был партнер, который всегда опаздывал на тренировки, так что мы назначили цену в 500 фунтов за каждое такое нарушение. Он по-прежнему опаздывал и в результате внес значительный вклад внаем частного самолета для рождественской вечеринки. Вы можете решить, что за такую провинность мы определили слишком суровый штраф, однако опоздание, на мой взгляд и по мнению других игроков, совершенно не уместно и является проявлением неуважения ко всем остальным.

Долгое время я отказывался платить какие-либо штрафы вообще. Я просто не мог понять, как кто-то может забирать у меня деньги, если это никак не оговорено и не закреплено юридически в контракте. В одном клубе мы как-то отменили эту практику на некоторое время, к моему великому удовольствию, но то, что стало происходить после, разрушило все наши устои. Многие из игроков начали ради потехи поздно приезжать и совершенно расслабились, беззастенчиво оставляя свою форму на тренировочном поле, чтобы ее убрали другие, и паркуясь там, где вздумается. Они даже перестали являться на укрепляющие командный дух попойки, которые, хотите верьте, хотите нет, могут быть очень важны, когда дело касается интеграции в коллектив новых лиц. Спустя некоторое время мне самому захотелось оштрафовать парочку ребят, чтобы преподать им урок. Эта система, кажется, реально работает.

Крупные и официальные штрафы довольно редки, их налагают, только когда речь идет о совершенно очевидном и неприемлемом нарушении клубных правил. Я знаю пару игроков, которых оштрафовали на недельные оклады за неявку на ежегодный рождественский визит в детское отделение местного госпиталя. Увы, они были счастливы заплатить деньги, если это снимало с них ответственность за посещение ребяташек.

Однажды, когда я пришел в новый клуб, я никак не мог найти спа-салон, в который ребята отправились на целый день (никакой спутниковой навигации тогда не было). Я просто вернулся домой. На следующий день тренер спросил у меня, какой штраф я сочту адекватным наказанием за это. «Вероятно, с меня и так будет достаточно пропущенного дня», – сказал я. (По крайней мере, попробовать стоило.) «Хорошая попытка, – ответил он. – Если ты

не можешь честно ответить, тогда лучше сразу отдай мне все деньги за пять дней». Это был выученный урок стоимостью 12 тысяч фунтов.

Самый несправедливый штраф за все время (и это лишь мое мнение, поскольку нет никакого рейтинга провинностей или чего-то такого) я заплатил несколько лет назад, когда тренер и я переживали период тотального разлада наших с ним отношений и едва разговаривали друг с другом. В результате он пытался оштрафовать меня за любую, даже малейшую оплошность, что является стандартной практикой в ситуациях, когда игрока хотят выставить из клуба. Когда футболист доходит до этой точки, для него становится в порядке вещей начать валять дурака, пропуская по «болезни» денек-другой, но в этот раз я был действительно болен и должен был постоянно находиться вблизи туалета. Я не спал всю ночь и чувствовал себя ужасно, а утром позвонил физиотерапевту сообщить, что не приду на тренировку. Пять минут спустя, передав наш с ним разговор тренеру, физиотерапевт перезвонил мне: «Сожалею, дружище, он хочет, чтобы ты пришел провериться у клубного доктора». Врач позднее сказал мне, что тренер действительно звонил ему, отвлекая от пациентов, в надежде на то, что я не явлюсь, и тогда он сможет оштрафовать меня за то, что я впустую потратил время доктора и симулировал болезнь. «Я не могу прийти, – сказал я. – У меня расстройство желудка, я не в силах провести в машине и полчаса». Физиотерапевт должным образом оповестил тренера, но это нисколько не разрешило ситуацию, и мне дали понять, что если я не явлюсь на прием к доктору в десять утра, тренер лишит меня недельной заработной платы. Только в футболе работнику могут угрожать штрафом за то, что он заболел.

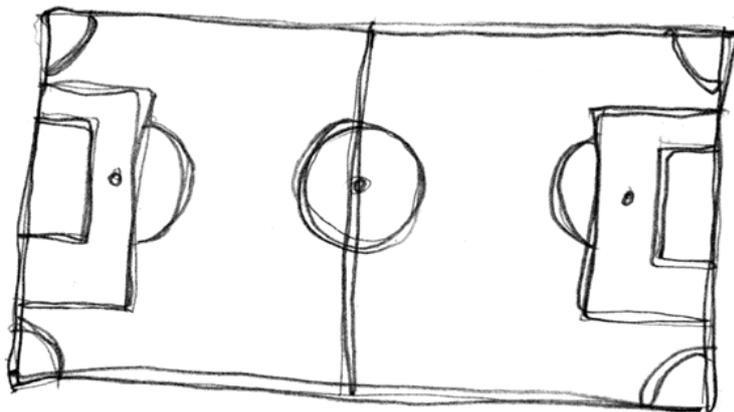
Я потащил свое измученное тело в машину, надев дополнительную пару штанов и постелив на сиденье полотенце (ну, не было никакой нужды поганить кожаное кресло), и поехал. Десять минут спустя я сделал первую из четырех остановок на обочине автотрассы, изрядно повеселив обитателей пригорода, после чего прибыл на тренировочную базу в 10.40.

Я зашел в здание и прошел по коридору в комнату физиотерапевта. «Мать божья, ты ужасно выглядишь», – сказал он, как только я ввалился в комнату и рухнул на один из массажных столов. Пришел доктор, взглянул на меня лишь раз, пощупал мой живот, а затем диагностировал у меня гастро-что-то-там. Как раз тогда тренер просунул голову в открытую дверь кабинета. «Болен?» – спросил он, выжидающе глядя на доктора. «Да, определенно болен», – подтвердил доктор. «Ага, – сказал тренер, и, повернувшись ко мне, продолжил: – Тогда тебе лучше лечь обратно в кровать, а не валяться тут. Ах да, кстати говоря, ты оштрафован на тысячу за опоздание сегодня утром». Я ничего не ответил.

Тогда я был довольно молод, но, когда взрослеешь, становишься одним из старших членов команды, все начинает меняться. Тренер может время от времени интересоваться твоим мнением, и с тех пор как я вошел в новую роль, то обнаружил, что мне сложно сказать тренеру то, о чем я действительно думаю.

Вот почему я хотел играть в футбол:
он предлагал мне возможность
урвать кусочек славы и счастья
и сбежать от замучившей мирской
жизни, что текла в маленьком
городке, где я вырос.

В ходе процесса отбора претендентов на роль нового главного тренера в одном из моих клубов «верхи» попросили меня зайти к ним обсудить потенциальных кандидатов. Это крайне необычно, неудобно и неприятно для игрока – о чем я сразу же и сообщил. Представьте себя сидящим в одной комнате с советом директоров, которые просят вас озвучить мнение касательно вашего будущего босса: кончиться такое может только катастрофой. Я чувствовал, что все, что я скажу на каком-либо этапе этого процесса, скорее всего, станет

достоянием нового тренера, равно как и других кандидатов. Так что даже те менеджеры, которых я совсем не любил, в итоге получали от меня только положительные отзывы.

Правда же в том, что новому тренеру в самую последнюю очередь хочется, чтобы процессом назначения руководили игроки, ибо эта скользкая дорожка неизбежно приведет к краху. Точно так же он не хочет отчуждения от подопечных еще до того, как получит назначение. Первая неделя нового менеджера проходит зачастую очень сдержанно. Ему пожимают руки, с ним обмениваются любезностями, пока он наблюдает за тренировкой со стороны, про себя отмечая какие-то особенности игры и поведения каждого футболиста.

Пара игроков может начать подлизываться к нему, но несмотря на то, что я становлюсь старше и все яснее понимаю, что этот человек ответственен за контракты игроков, я отказываюсь изменять своим моральным принципам. Однако время от времени я говорю с ним о футболе, периодически пересыпая разговор малоизвестными именами и упоминая результаты заграничных матчей в довольно жалкой попытке продемонстрировать свои широкие познания об игре, поскольку я более чем серьезно настроен начать карьеру скаута/тренера на полставки, когда настанет время повесить бутсы на гвоздь.

В судьбе клуба, который решил сменить главного тренера, может произойти резкий поворот. Я не буду говорить, что тактика тут вовсе ни при чем, но когда слышу, как какой-нибудь эксперт выдает что-то в духе: «Он поставил им игру», объясняя улучшение результатов команды, я невольно поеживаюсь. Часто дело тут вовсе не в количестве часов, проведенных на тренировочном поле, а в игроках, которые начали стараться куда сильнее.

Посредственная форма, которую команда демонстрировала доселе, иногда может быть результатом того, что игроки привыкли к тренеру настолько, что расслабились как ментально, так и физически. Всегда можно понять, когда тренер говорит следующие слова: «Я сделал с этой командой все, что мог». Что на нормальном языке означает: «Эта группа игроков больше не боится и не уважает меня, а значит, уже не может быть нормально мотивирована мной».

Самая большая ошибка, которую может совершить новый тренер, заключается в том, чтобы стать слишком близким к своим подопечным, стараясь заручиться их поддержкой. Я работал с тренером, который травил шутки с игроками перед выходом на поле, только чтобы в перерыве устроить им разнос за то, что те проигрывали в один гол. Такое поведение сильно отдавало двойными стандартами, и именно поэтому ему так и не удалось завоевать уважение, в котором так нуждается менеджер, работающий с коллективом игроков, зарабатывающих огромные деньги и обладающих еще более масштабным самомнением. Существуют более эффективные способы расположить к себе людей.

Новый тренер должен быстро установить в команде свою власть, а для того, чтобы этого добиться, часто приносят в жертву какого-нибудь игрока, что со мной и произошло в одном из клубов. Не имеет значения то, насколько это способный футболист или как сильно он нравится публике (на самом деле, именно талантливые и любимые фанатами игроки становятся наиболее удобной мишенью). Процесс, как правило, начинается с того, что футболиста удаляют с тренировки за какую-нибудь ерунду, потом ставят его в плохой пример при каждом удобном случае, а после отправляют тренироваться с детьми и окончательно отцепляют от первой команды. Предполагается, что все это служит ясным сигналом, что главный тут – тренер.

Мне этот метод не по душе: он совершенно не обязателен и говорит лишь о тотальной нехватке умения работать с людьми. Один мой друг испытал всю тяжесть такого отношения на себе в сезоне 2011–2012, и, поверьте мне, общаться с ним в то время было неблагоприятным занятием.

Восхождение на вершину таких менеджеров, как Арсен Венгер, Жозе Моуринью, Андре Виллаш-Боаш и Брендан Роджерс, помогло преодолеть негативное отношение игро-

ков, которые раньше имели склонность верить, что стоящий тренер может получиться только из того, кто, будучи игроком, выиграл хотя бы пару-тройку медалей и кубков. По правде говоря, многие менеджеры вообще не вносят никакого вклада в тренировочный процесс, и в клубах есть не один или два человека, которые переносят всю эту работу на своих ассистентов и младших тренеров, особенно если их уважают и ценят игроки. Мне говорили, что один экс-футболист «Манчестер Юнайтед», ставший тренером, приобрел репутацию человека, который является только на саму игру по субботам.

Не так давно я столкнулся со своим знакомым на одном из карибских пляжей (он приехал туда поучаствовать в турнире ветеранов, что обычно представляет собой дружескую попойку старых одноклубников где-нибудь на солнышке; поездку обычно оплачивает спонсор, жаждущий повстречать всех своих героев детства), и он пригласил меня выпить в баре отеля в тот же вечер. Я пошел, даже не подозревая, что он собирается излить мне душу, что менеджерская работа оказалась совсем не такой, как он ее себе представлял. Этот человек собирался стать тренером на долгие годы, поскольку его игровая карьера совсем не взбудоражила футбольный мир. Он любил футбол и был убежден, что ему есть что предложить игре, если ему вдруг выпадет шанс занять менеджерское кресло. Он собрал коллекцию всех доступных тренерских сертификатов, включая лицензию PRO, которая стоит порядка 5 тысяч фунтов.

Он не проработал на этой должности и года, когда понял, что совершил ошибку. «Я не осознал того, как много нужно делать, – сказал он мне. – Я знал, что будет тяжело и что я мало времени буду проводить с семьей, но в итоге я вообще не видел своих родных, потому что в десять вечера, когда я наконец прекращал телефонные переговоры, мне приходилось садиться в темной комнате за просмотр матча типа «Эльфсборг» – «Мальмё» в попытках отыскать для команды нового игрока».

Менеджерская работа именно такая. Ее суть заключается в том, чтобы решать проблемы и находить выход из ситуаций, касаются ли они игроков, прессы, задач, ожиданий или чего угодно еще. Когда я сказал, что у него, вероятно, проблемы с искусством делегирования полномочий (ну, меня так учили: если тебя пытаются задавить, давай отпор), он счел, что это была адекватная критика. Но также напомнил мне, что я никогда не работал главным тренером.

Я понимаю его точку зрения, потому что я мог бы так же легко пасть жертвой того же самого недостатка характера, решишь я когда-нибудь начать менеджерскую карьеру. Мне очень трудно доверять другим людям, на чьих плечах лежит большая ответственность, потому что они в любом случае выполнят то же самое задание не так, как сделал бы его я. Вместо этого они придадут движению какой-то свой вектор. А если ты предпочитаешь сохранять контроль надо всем, что происходит в футбольном клубе, тогда, боюсь, со своей семьей ты больше не увидишься. Да, наверное, и света белого видеть не будешь.

Я работал с таким тренером – совершеннейшим маньяком контроля с целым штабом людей, о котором любой менеджер может только мечтать, но совершенно не способным переступить через себя и дать им заниматься своей работой. А ребята были талантливые. Особенно мне было жаль нашего специалиста по спортивной науке, который разработал программу лишь для того, чтобы ее узурпировал человек, ничего в этом не смысливший. Та же история приключилась с нашим шеф-поваром, которому на каком-то этапе менеджер сообщил, что отныне ему запрещается использовать соль при готовке. Как говорится, недоученный хуже неученого.

Но опять-таки успех или неудача могут зависеть от того, как менеджер пользуется сильными чертами своего характера. Один мой друг, игравший в «Челси» при Моуринью, как-то сказал мне, что в ходе предсезонного турне по Америке в расписание команды была вписана фотосессия для спонсора – Samsung. Едва услышав, что Samsung не обеспечил

игрокам никакого райдера, Моуринью немедленно приказал команде вернуться в автобус. Поднялась паника, особенно сильно охватившая PR-департамент Samsung, после чего было оговорено, что коробка, под завязку забитая электронными девайсами фирмы, будет ждать каждого игрока команды по возвращении в Англию. Я понятия не имею, достоверна ли эта история, но ее рассказал мне конкретный игрок, а у него не было причин мне лгать. Хочется думать, что этот рассказ правдив, потому что мне во многом импонирует стиль Моуринью, и если бы тренер сделал такое ради меня, даже забыв на секунду обо всех этих подарках, я бы тут же почувствовал, что мы в этом деле все вместе и что он точно поддержит меня, когда потребуется. Я бы хотел играть ради этого человека и стараться для него.

Но это не значит, что у игроков нет обязанностей перед своими клубами. Компании вроде Samsung платят небольшое состояние за право использовать клубы английской футбольной Премьер-лиги в качестве рекламных площадок, они заключают очень тщательно выверенные контракты, обеспечивающие им доступ к игрокам. Иногда, правда, не совсем очевидно – по крайней мере, футболистам – что в действительности вокруг них происходит.

Я помню, как осознал, что каникулы, которыми мы наслаждались где-то в районе экватора, на самом деле были ничем иным, как махинацией нашего менеджера, желавшего установить новые деловые связи. Первой подсказкой стало то, что произошло по прибытии нашей команды в новенький фешенебельный отель прямо на побережье. Нас сфотографировали, кажется, с каждым сотрудником отеля, прежде чем мы смогли окунуться в море, чтобы хоть как-то смягчить неприятные ощущения из-за нарушенного биоритма после длинного перелета. Вечером того же дня нас пригласили на ужин к очень богатым людям, которые, как выяснилось, владели рестораном, в котором мы ели, и они же оплатили перелет для всей команды в бизнес-классе.

Эти ребята стали мелькать постоянно то тут, то там в течение всего отдыха, и каждый раз, когда они появлялись, мы были в ресторане, торговом центре, отеле или ночном клубе, которыми они владели, и каждый раз мы фотографировались под вывеской этого места. Патронаж, который предложили нашему клубу Премьер-лиги все эти компании, должно быть, стоил очень много денег, так что позвольте мне высказаться. Я думаю, что тот самый менеджер теперь ездит в этот отель каждый год и будет продолжать делать это до конца жизни. Я также готов спорить, что он никогда не платил и не будет платить ни цента за все время пребывания там. Таков бизнес, я полагаю.

Меня таскали на каждое мероприятие, везде, куда только можно, делали снимки, на которых я стою в спортивном костюме с символикой клуба, улыбаясь как идиот, хотя даже не понимал, что я здесь делаю. Как-то раз вся наша команда провела целый день, прогуливаясь по территории фабрики утвари для дома и оставляя автографы всем работникам. Насколько я могу судить, никто из игроков не получил за это никаких предметов мебели и быта – не то чтобы мы нуждались в них. Нашему тренеру, вероятно, тоже ничего из их продукции не требовалось. Но если все же понадобится, уверен, все устроят, как надо. Подобные вещи происходят, должно быть, на любом уровне, и меняются тут только масштабы. Закрывает ли команда на это глаза или гневается за подобные вещи на тренера, может значительно повлиять на то, будет ли клуб успешен на футбольном поле или нет.

Самое важное здесь – поддерживать уверенность игроков в себе посредством такого обращения с ними, которое бы не унижало их достоинства. Один мой друг, который играл за «Манчестер Юнайтед», сказал мне, что когда настал такой момент, и даже ему стало ясно, что его время на «Олд Траффорд» вышло, к нему по-прежнему относились с таким же уважением, как и ко всем остальным членам состава. И хотя подобное отношение не является такой уж редкостью, его совершенно точно практиковали далеко не все менеджеры, с которыми доводилось работать как ему, так и мне. Благодарность сэру Алексу за то, что он делал на протяжении всей своей карьеры, когда было гораздо проще ничего не делать вовсе, до сих

пор заставляет моего друга отзываться о нем с почтением. «Я по-прежнему могу позвонить ему и знаю, что он уделит беседе со мной так много времени, как сможет, и неважно, прошла ли неделя, месяц или год с тех пор, как мы разговаривали в последний раз, он помнит имена моих детей и всегда интересуется, как у них дела».

Чтобы не возникало недоразумений, замечу, что другой мой друг, в настоящий момент выступающий за «Манчестер Юнайтед», отказывается поддерживать разговор, когда я начинаю расспрашивать его о Фергюсоне, и не стесняется говорить мне, что причины тому страх, преданность и уважение, в каком угодно порядке.

Держать игроков в тонусе – это искусство, сродни умению ходить по канату, и главное здесь – доверие и взаимоуважение, а не организация как можно большего числа тусовок с целью понравиться футболистам, как полагал один из моих прежних тренеров. Очень многие игроки тут же начнут злоупотреблять любой слабостью своего тренера, а затем найдут уйму оправданий собственным неудачам, когда команда начнет проигрывать матчи. Я уверен, все мы в курсе, к какому клубу применима эта ситуация – он выиграл Лигу чемпионов в 2012 г.

Тренерам в работе помогают несколько вещей, которые не выставляются на продажу ни в одно трансферное окно: ресурсы, точный расчет времени и удача – вот хотя бы три из них. Каждый менеджер, однако, так или иначе оставляет свой след. Много лет назад один из первых моих тренеров сделал исключение из правил, по-своему ответив на комментарий одного из игроков команды, произнесенный в раздевалке после выездной игры. Нас тогда размазали, и не только по счету на табло, но также и в целом по игре, в которой соперник, подписавший целый ворох крутых ребят, нас полностью превзошел.

После каждого матча хозяева готовят обед с чаем и сэндвичами для гостей, и, как правило, когда раздается финальный свисток, в раздевалке уже все накрыто. Думаю, довольно чудно получать на «Олд Траффорд» тот же набор сэндвичей, что подают и на Колчестерском муниципальном стадионе (справедливости ради скажу, что всех в этом плане обошел «Арсенал», они кормят гостей куриными наггетсами). К несчастью для моего партнера по команде, сэндвичи в тот день принесли на металлическом блюде, оказавшемся в опасной близости от нашего главного тренера. Нагнувшись, он поднял его левой рукой и запустил, словно фри-сби, напрямик в голову игрока, посмеявшегося начать оправдываться за провальное выступление. Блюдо пролетело в считанных сантиметрах от футболиста и оставило вмятину в стене, покрыв бедолагу облаком штукатурки и пыли. Должен сказать, что если бы эту тарелку запустили в мою голову, она бы вернулась отправителю бумерангом, но мой друг просто осел на стул, вероятно, испытав большое облегчение, ибо только Бог знает, какого рода травму ему могло нанести это блюдо, если бы тот вовремя не увернулся.

С подобным выплеском напряжения можно столкнуться в любой раздевалке страны, в любой игровой уик-энд. Давление временами здесь так сильно, потому что, как мы все это знаем, футбольные тренеры – одна из самых уязвимых профессий в этой стране, и уволить их очень легко. Поистине, как говорил экс-наставник «Лидс Юнайтед» Говард Уилкинсон, существует только два типа тренеров: «Те, кого уволили, и те, кто будет уволен в будущем».

Когда менеджер вдруг оказывается под светом софитов, появление правильного и надежного помощника может оказать невероятный эффект. Классные тренеры ценятся на вес золота, но, на мой взгляд, они часто не получают должного уважения. Существует слишком много тренеров, которые добились успеха в нескольких разных клубах, но потом, безо всяких видимых причин, выпали из игры, не сумев найти себе новое место работы. Футбол в этом плане сильно грешит кровосмешением, менеджеры всюду тащат за собой одних и тех же членов штаба, с которыми работали раньше. Если менеджер, на которого я работал, вдруг выпадает из игры, велика вероятность, что вместе с ним выпадут и я. Это, конечно, здорово, что Футбольная ассоциация обучает все больше и больше тренеров, но если у них

нет никаких связей с теми, кто уже попал в струю, им будет невероятно трудно пробиться на любом уровне.

Хороший тренер будет уважаем игроками, с ним будет легко общаться на любые темы. Я играл под началом тренеров, у которых были всевозможные дипломы и квалификации, но которые попросту не умели донести свои мысли до подопечных. Иногда они слишком упирали на тренировочный процесс, и игроки (особенно я) начинали скучать и выказывать куда меньше энтузиазма. На контрасте некоторые тренеры, наоборот, тут же выстреливают, пользуясь успехом у футболистов. Я играл у нескольких невероятных тренеров, чей подход к каждому индивидуален, он учитывает разницу в возрасте, происхождении и отношении к труду. В итоге ты начинаешь думать: «А этот парень знает, что делает», – и интенсивность тренировок, и качество работы на них сразу начинает расти, как только футболисты включаются в процесс.

Меня часто спрашивают, что я делаю в течение двух часов тренировки, и честным ответом будет такой: это зависит от менеджера и его тренеров, которые в данный момент стоят во главе. После сорокаминутной разминки, включающей забеги с ускорениями, бег между стоек, преодоление мелких препятствий и быстрое прохождение напольных веревочных лестниц, почти все тренеры хотят разделить команду на две половины и поиграть в контроль мяча. Через какое-то время от этой рутины попросту начинает коченеть мозг. У меня был тренер, который заставлял нас играть в одно касание на полномразмерном поле командами по одиннадцать человек, а час спустя мы уходили с поля, думая про себя: «Что я вообще делаю в этом клубе?» Вот почему новость об увольнении менеджера и его тренеров может быть волнующе приятной. И когда менеджера увольняют, нужно обязательно зайти к нему в офис, поблагодарить за приложенные усилия и пожелать удачи, потому что никогда не знаешь, вдруг тебе доведется еще когда-нибудь с ним работать.

Временами, впрочем, поступки игроков были совсем не на руку менеджеру. Несколько лет назад команда, за которую я играл, решила съездить в теплую страну и немного отдохнуть в ходе межсезонных каникул. По прибытии в отель около девяти утра менеджер четко проинструктировал нас касательно правил поведения на ближайшие дни. «Вы можете устроить себе одну выходную ночь, но не сегодня вечером – сейчас все отправятся спать. Ежедневные тренировки будут длиться с девяти до одиннадцати часов утра, после этого на улице становится слишком жарко. Теперь отправляйтесь на отбой. И да, завтрак обязателен для всех» (они всегда это говорят). Через двадцать секунд после того, как двери отеля закрылись, мой телефон начал разрываться от наплыва сообщений в групповом чате: «Ну что, куда идем?», «Все встречаемся у бассейна через пятнадцать минут, и найдем, как выбраться отсюда», «Кто заказывает такси?», «У кого-нибудь есть зарядка для iPhone? Я свою забыл», – последняя фраза принадлежит мне, и я стал знаменит благодаря ей.

В итоге мы собрались у дыры в изгороди на территории отеля, и когда на нас никто не смотрел, пробрались через нее по одному, а потом поймали такси, активно жестикулируя руками и прыгая так отчаянно, как только могли, при этом стараясь действовать как можно тише. В итоге мы все выбрались в город, а что было после... Я и правда не помню. Мне сказали, однако, что в районе трех часов утра наш тренер обнаружил нас в караоке-баре и всех нас отвез в отель на минивэне, арендованном для того, чтобы на следующий день доставить нас на тренировочное поле. У него было полное право сообщить о случившемся руководству, что, в свою очередь, вылилось бы, наверное, в крупнейший коллективный штраф в истории мирового футбола, или же он мог усадить нас всех и самолично вынести нам строжайшее предупреждение, но в итоге он не сделал ничего из этого, и потому мы стали его просто безмерно уважать, отчего качество работы на тренировках колоссально выросло. Теперь, когда я думаю об этом инциденте, мне приходит в голову мысль, что он мог бы придержать этот компромат до тех пор, пока ему бы не понадобилась от нас какая-нибудь услуга, но вместо

этого я предпочитаю думать, что он просто был порядочным мужиком; иначе бы мы все конкретно попали.

Действительно полезно, когда все на одной стороне, но на самом деле никто не обязан любить других и пытаться кому-то нравиться. Нужно просто достаточно ладить, для того чтобы максимально упорно работать друг за друга на поле. И вот тут в дело вступает капитан. В течение всей моей карьеры я лишь однажды был не согласен с выбранным капитаном команды, и случилось это потому, что тот никогда не пытался нас защищать, когда мы в этом особенно нуждались.

В ходе сезона 2011–2012 я прочел, что в Англии капитанская повязка передается игроками друг другу так, словно это готовая сдетонировать граната. Но я лично имел честь быть капитаном на клубном уровне и могу сказать, что то, как маленькая нарукавная повязка (меня приводит в бешенство то, как часто ее натягивают вверх ногами – неужели так трудно надеть ее правильно?) заставляет тебя выпячивать грудь от гордости и ощущать себя несколько выше остальных – совершенно невероятно. Сколько бы игроки ни притворялись, что им все равно, в глубине души, втайне ото всех, каждый из них хочет быть капитаном. Так какова его важность? Ну, если тебе реально повезет, капитан может быть залогом успеха команды. Но и ее провала.

... мне дали понять, что если я
не явлюсь на прием к доктору
в десять утра, тренер лишит меня
недельной зарплаты. Только в футболе
работнику могут угрожать штрафом
за то, что он заболел.

Менеджер выберет капитаном того, кто может служить связующим звеном между ним и раздевалкой. Но если между игроками и представителями клубной иерархии наметился конфликт, капитан всегда должен действовать в интересах игроков. Начиная от бонусов и штрафов и заканчивая обязанностями клуба и расписанием, хороший капитан – это игрок, который озабочен всеми нефутбольными вопросами и готов участвовать в политике клуба.

Когда меня назначают капитаном, я люблю приезжать на игру раньше всех. За десять минут до выхода команд на разминку (обычно в 14.20) двух капитанов вызывают в судейскую комнату для беседы, которая не так уж отличается от той, которую проводят рефери с боксерами, готовящимися к поединку. Начиная с простой передачи списка игроков команды (даже минутное опоздание наказывается огромным штрафом) и заканчивая инструктажем от арбитра, в котором он объясняет футболистам, чего он ожидает от игры. Когда вы пожали руки всем судьям и другому капитану, главный арбитр говорит что-то вроде: «Хорошо, парни. Вы оба достаточно старые и страшные. Не надо мне полоскать мозги: если у вас какие-то проблемы, просто говорите мне о них, идет? Если кто-то из ваших

игроков ведет себя агрессивно по отношению ко мне, к моим коллегам или сопернику, я жду, что вы разрешите эту ситуацию еще до того, как мне придется вмешаться, хорошо? Удачи». И снова рукопожатия по кругу.

Я играл под началом одного капитана, которому повязка досталась по умолчанию после травмы игрока, изначально выбранного на эту роль менеджером. Новичок принял свои обязанности только номинально и попросил человека, ответственного за форму, сделать персонально для него гибридную версию повязки. В итоге он получил фиксирующий бандаж, который обычно накладывают при растяжении лодыжки, с огромной буквой «С»⁵, выведенной черным маркером. Новая повязка покрывала все его предплечье целиком. Некоторые игроки так себя ведут: хотят, чтобы все видели их статус, хотя притворяются, будто в этом нет ничего важного. После этой выходки он потерял уважение, в первую очередь мое.

Странно, но у самой успешной команды в моей карьере был самый посредственный капитан. Он сочетал в себе все качества, которые ненавидят почти все игроки – был эгоистом и давал слабину каждый раз, когда мы больше всего в нем нуждались. Как-то раз клуб отказывался обсуждать с нами премиальные. Мы практически исчерпали все свои аргументы в этом споре, и в тот день, когда нужно было подписывать бумаги (обо всех бонусах необходимо уведомлять лигу до наступления конкретной даты), у нас остался только один возможный вариант: бойкотировать командную фотосессию. Со стороны может показаться, что это слабенькая угроза, но с точки зрения политики и спонсорских контрактов – вполне серьезное дело. Утром того дня, когда должна была состояться фотосессия, мы отказались переодеваться в новую форму. Глава клуба призывал нас одуматься, но мы твердо стояли на своем, все, кроме одного. На поле один-одинешенек стоял наш капитан, в полной экипировке, готовый к съемке. Мы так и не смогли его простить, и вскоре все члены команды начали избегать его общества. Все, что он пытался организовать, наткнулось на глухую стену равнодушия, и каждый раз, когда ему что-то было нужно от нас, он этого не получал.

Идеальный капитан может наорать на партнеров, не согласиться с тренером и по-прежнему сохранять безукоризненные отношения со всеми и каждым в отдельности, и все благодаря уважению, которое у него есть. Мой друг, игравший в «Манчестер Юнайтед» при Рое Кине, как-то сказал мне: «Когда я был молодым профессионалом, однажды у меня возникли сложности с контрактом. У меня не было агента, и я не знал что делать. Кин отправился к Фергюсону вместе со мной и все разрешил лишь по одной причине – он был капитаном футбольного клуба. На следующий день он уже орал на меня за неточный пас на тренировке».

Я с гордостью могу сказать, что был капитаном профессиональной футбольной команды, но особенности этой роли таковы, что тебе приходится больше времени тратить на разрешение ситуаций вне тренировок и игр, а к таким вещам я уже охладел. И хотя для меня нет ничего важнее работы на футбольном поле, сейчас гораздо более важные вещи происходят как раз за его пределами.

⁵ Captain (англ.) – капитан. – Примеч. ред.

Глава 3

Фанаты

Теория шести рукопожатий гласит, что весь наш мир настолько тесен, что каждый проживающий в нем индивид может быть связан с любым другим человеком всего через шесть знакомых. Премьер-лига тем не менее всегда сама устанавливала свои законы и продолжает доказывать, что десятки тысяч человек могут быть связаны с одним игроком на протяжении девяноста минут матча.

Ничем не примечательная игра в сезоне 2011–2012 на «Крэйвен Коттедж» запомнилась всем одним жестом, которым форвард «Ливерпуля» Луис Суарес «поприветствовал» болельщиков принимающей стороны под конец проигранного его командой матча – «Фулхэм» победил со счетом 1:0. Что удивило меня больше всего, так это то, что свой средний палец Суарес показал фанатам в ответ на крики: «Жулик! Жулик!», из чего сложилось впечатление, что уругваец слишком уязвим в таких ситуациях, несмотря на то, что он чаще других подвергался острой критике.

Сам по себе проступок нельзя назвать мерзким, но в то же время он и не поспособствовал славе Суареса на футбольных полях. Я полагаю, что еще существуют личности, способные оскорбиться чьим-то жестом, но я бы сильно удивился, если бы встретил таких людей на футбольных стадионах.

Отношения между болельщиками и игроками, вне всякого сомнения, сильно пострадали с тех пор, как зарплаты игроков выросли настолько, что перестали коррелировать с трагедиями болельщиков на билеты. К счастью, серьезные вспышки ярости (вроде удара Эрика Кантоны в стиле кунг-фу на «Селхерст Парке» или прискорбных инцидентов с плевками Эль-Хаджи Диуфа) все же крайне редки.

Трудно объяснить словами то, насколько разгневанным может быть игрок. Меня самого пугало то, как сильно во мне закипал гнев, когда я слышал всякие глупости вроде унижительных песенок или брани с трибун. Игроки настолько надежно защищены, будучи на поле, что нередко могут чувствовать себя настолько драгоценными, что их и тронуть нельзя.

Один мой хороший друг, который уже завершил карьеру, мог очень долго рассуждать о лицемерии болельщиков. Он был твердо убежден, что хотя фанаты и мнят, что они вправе сурово критиковать футболистов, сами они с большим трудом воспринимают обратную критику в свой адрес. Слабое место этого тезиса в том, что болельщики платят за футбол деньги, хотя я играл с одним правым защитником, который и этот довод мог вывернуть наизнанку. «Продолжай класть свои бабки мне в карман, приятель», – таким был его привычный ответ на оскорбления.

Большая часть из того, что выкрикивают фанаты, проходит мимо ушей, но периодически мы все же слышим какие-то вещи, хотя и любим притворяться, что это не так. Как правило, выловить что-то из общего шума практически невозможно по причине максимальной сосредоточенности футболиста и той скорости, на которой проходит матч, но игроки, подающие угловые или бросающие мяч из аута, соврут, если скажут вам, что не слышат брани в свой адрес. Иногда довольно странно играть на крупных стадионах вроде «Олд Траффорд» или «Эмирейтс», где фанаты, как правило, ждут зрелища: иногда, находясь на бровке, можно отчетливо услышать насмешки в свой адрес. Но это очень редкий случай – особенно на стадионе «Манчестер Юнайтед», где всегда кажется, будто первые три ряда заняты не ярыми футбольными фанатами, а туристами и экскурсантами, которым нравится абсолютно все. Что очень здорово, если ты приехал сюда в качестве гостя.

Многое выкрикивается в шутку, и как только фанаты видят, что ты повернулся к ним и улыбаешься, лед между вами тает, и обстановка разряжается. Так было на одном из матчей, в котором я участвовал несколько лет назад. Тогда толпа запела: «Знает ли твоя хозяйка, что ты здесь?», адресуя это игроку, недавно сфотографированному с юной леди, которая не была его женой. В ответ футболист рассмеялся, едва услышав речевку, и, разумеется, как только он это сделал, толпа прекратила петь.

Иногда, правда, такого ответа недостаточно. Например, когда песня звучит скабрёзно.

Меня часто спрашивают, что самое отвратительное мне доводилось слышать с трибун, и поверьте мне, я слышал все, что только можно себе представить, начиная от пожелания смерти моим детям от СПИДа и угроз убийства, заканчивая всеми возможными оскорблениями в адрес жен и подружек. Я не хочу жаловаться на судьбу, но скажу, что нахожу довольно странным то, как легко теперь можно заработать удаление за фол или ненормативную лексику и как в то же самое время трудно договориться до того, чтобы тебя выкинули за оскорбления с трибун. Ясно, что совершенно нереально прогнать со стадиона 30 тысяч фанатов, в унисон распевающих нечто оскорбительное, но все мы время от времени видим и слышим возмутительные гадости, которые остаются безнаказанными.

Но при этом футбольные болельщики могут быть поразительно остроумными. Невозможно было не засмеяться, когда фанаты «Челси» орали «Мочи!» всякий раз, когда мяч получал Эшли Коул, оказавшийся замешанным в истории с пневматическим ружьем на тренировке за несколько дней до матча.

Такого рода критические стрелы, что получал в свой адрес Суарес, причем не только на стадионе «Фулхэма», но и много где еще, объясняются его способностью как магнитом притягивать неприятности. Это было ясно еще до его переезда в Англию, и с тех пор скандалы только участились, в немалой степени благодаря восьмиматчевой дисквалификации, которую он получил за расистское высказывание в адрес Патриса Эвра на «Энфилде» в октябре 2011 г. Суарес кусал соперника, будучи игроком «Аякса», а более широкой публике известен как человек, с усмешкой заявивший, что рука Бога отныне принадлежит только ему, после того как преднамеренно отразил рукой удар сборной Ганы в четвертьфинале чемпионата мира#2010, лишив соперника гола, который мог стать победным. Его вина здесь не в том, что он не дал мячу пересечь линию, это сделал бы на его месте абсолютно каждый футболист, а в полном отсутствии благородства по окончании игры.

Что мне совершенно ясно, так это то, что если игрок реагирует на оскорбления с трибун, он посылает очевидный сигнал фанатам по всей стране: его, как и любого другого из нас, можно легко спровоцировать.

Никто не отрицает, что болельщики – кровеносная система любого клуба, их поведение может стать немаловажным фактором при выборе игроком будущего места работы, но если вы встретите футболиста, согласного говорить с вами откровенно и без обиняков, велика вероятность услышать от него такие слова: «Фанаты невежественны». И хотя я не согласен с этим на все сто, зато я хорошо понимаю, откуда выходят игроки. Если ты не всегда профессионально играл в футбол, некоторые вещи, неважно, насколько умело игрок попытается объяснить их тебе, так навсегда и останутся за гранью твоего понимания.

Но ничто так не расстраивает футболистов, как отношение болельщиков к желанию игроков поддержать мяч. Иногда, когда я травмирован или дисквалифицирован и сижу на трибунах, откуда смотрю игру, я не перестаю удивляться тому, что кричат фанаты во время матча. Ничто не раздражает сильнее, чем выкрик «да просто дайте мяч вперед». Создается впечатление, что некоторые люди до сих пор не поняли важность контроля мяча в моменты, когда кажется, будто в этом нет нужды, и, что беспокоит еще больше, это касается не только болельщиков.

Давайте изучим статистику передач сборной Англии на Евро#2012. Лучшим распасовщиком сборной в игре против Италии был Джо Харт, с сорока пятью передачами за матч. В той же самой игре Андреа Пирло сделал сто семнадцать точных передач. Что разочаровало не меньше этого статистического факта, так это послематчевый анализ от Роя Ходжсона. «Я не считаю статистику владения мячом такой уж значительной», – сказал тренер сборной Англии.

Я выскажу пару своих мыслей. Контроль мяча важен на любом уровне по четырем причинам. Во-первых, команде, владеющей мячом, нельзя забить гол. Во-вторых, соперники такой команды будут бегать до полусмерти, пытаясь отобрать мяч, а когда у них это получится, они уже слишком устанут, чтобы сделать с ним что-то толковое. В-третьих, команда, контролирующая мяч, способна открыть свободную зону, часто после того, как удастся выдернуть с позиции какого-нибудь игрока за счет быстрого перемещения мяча. И наконец, в#четвертых, контроль мяча – лучший способ восстановить силы. Возвращаясь к нашему примеру, посмотрите на состояние английских игроков ближе к концу основного времени игры против Италии, и все поймете.

К счастью, эти доводы, кажется, начинает понимать следующее поколение наших игроков. Понаблюдайте со стороны за любым матчем каких-нибудь академий в наши дни, и велика вероятность, что вы услышите, как тренер кричит своим игрокам, как только они отвоевали мяч: «Сохраняйте контроль!» Не так давно Чарльз Хьюз, бывший школьный учитель, переполненный идеями возрождения английской игры, выдвинул теорию РОМО⁶, которая в целом учитывает идею о быстром проходе линии полузащиты и доставке мяча форварду с максимально возможной скоростью.

Сейчас нас часто переучивают. Я всегда думал, что хорошим примером наших ожиданий от игры может служить любой эпизод, в котором футболист посылает мяч много выше перекладины ворот. В Италии или Испании после такого сразу раздаются свист и насмешки, ясно свидетельствующие, что уровень демонстрируемой игры не соответствует стандартам. В нашей же стране, когда происходит ровно то же самое, с трибун раздается: «О-о-ох!», как будто произошло нечто, чем следует восхититься. Еще меня поражает то, что люди аплодируют двум простейшим приемам в футболе – пасу головой своему вратарю от защитника, которого совершенно никто не прессингует, и длинным диагоналям из центра полузащиты на край фланговому игроку.

Также болельщики могут заставить игроков паниковать и принимать неверные решения. Чем более нервной становится толпа, тем ниже уровень футбольного шоу – это я лично видел миллион раз. У некоторых стадионов есть заслуженная репутация. Когда бы я ни играл против «Вулверхэмптон Уондерерс» или «Вэст Хэм Юнайтед», всякий раз наш тренер говорил: «Заставьте стадион молчать двадцать минут, и фанаты начнут давить на собственных игроков». Так же и наоборот, когда твои болельщики тебя поддерживают, – нет ничего лучше этого ощущения. Наступает сложный период для твоей команды, на нее давит соперник, подает три или четыре угловых подряд, уровень шума нарастает – и ты видишь, как противник начинает нервничать, а твоя команда будто растет ввысь на твоих глазах. Вдруг ты начинаешь бежать дальше, и кажется, что теперь ты выиграешь каждый мяч.

Фанаты могут внушать страх по очень разным причинам. Не так давно я играл в матче против команды, в составе которой было много моих приятелей. В ходе небольшой паузы из-за травмы игрока я перекинулся парой слов с одним из знакомых из числа соперников. Внезапно он повалился с ног. В тот момент, как он рухнул на газон, я смотрел в сторону и теперь, опасаясь худшего, нагнулся, пытаюсь помочь ему, и увидел лежащую рядом с ним монетку в 50 пенсов. Она прилетела из толпы и угодила ему прямо в лоб – великолепный

⁶ Positions Of Maximum Opportunity (англ.) – позиции максимального числа возможностей. – Примеч. авт.

бросок, которым гордился бы любой снайпер. После этого я виделся с этим игроком, и у него на лбу был довольно заметный порез, который, вероятно, напоминает ему о том, что он предпочел бы забыть.

Полагаю, что красноречивее всяких слов будет тот факт, что он никому не пожаловался. Он ничего не сказал стюардам или полицейским, оцепляющим туннель для игроков после каждого матча. Либо он не хотел поднимать лишнего шума, либо, что более вероятно, знал, что все равно ничего не добьется, а лишь заработает себе репутацию плаксы, чем будут пользоваться фанаты на каждой следующей выездной игре.

За несколько лет до этого случая мне повезло играть на стадионе «Ден», домашней арене «Миллуолла». Поверьте мне, болельщики у них крайне агрессивные. После игры мы втроем с партнерами шли по направлению к автобусу, который по каким-то причинам стоял на другой стороне парковки. И вдруг внезапно появилась группа из четырех-пяти крепко сбитых ребят. С одним был сын, которому на вид было не больше семи лет. Он периодически переходил на бег трусцой, чтобы поспеть за взрослыми. Мальчик чем-то напоминал меня в детстве – я тоже ходил с отцом, имевшим привычку ускорять шаг всякий раз, когда мы проходили мимо футбольных стадионов, – адреналин делал свое дело. По мере приближения к этим людям я смог разглядеть татуировки, украшающие руки каждого из них. Опасаясь худшего, я продолжал шаркать ногами, не отрывая глаз от земли. Чем ближе мы подходили, тем яснее я ощущал, что они смотрят на нас, и ждал, когда начнутся оскорбления. Когда уже показалось, что мы разминулись без проблем, мальчишка взглянул на нас и сказал игроку, шедшему от меня справа: «Ниггер!» Я помню это ощущение совершенного ужаса. Озадаченный игрок рассмеялся, пребывая в состоянии шока. Никто ничего не сказал, все продолжили идти своей дорогой. Я не знаю, что было хуже – услышать подобное от ребенка или понять, что его отец и глазом не моргнул, услышав такое слово.

И хотя это был вопиющий случай, хочу сказать, что большую часть того, что познает дитя, исходит от его родителей. Они – лучший источник влияния и регулятор поведения. Именно поэтому я с трудом могу принять идею о футболистах, как о примерах для подражания. И хотя я не оправдываю некоторые поступки, которые совершают игроки, я думаю, что если ваш сын или дочь копируют их поведение, вам нужно спросить самого себя – почему они больше внимания уделяют футболистам Премьер-лиги, а не вам, или почему вы позволяете им слушать такую отборную брань, какой им не услышать больше нигде.

Нет ничего более отвратительного, чем расизм, который в сезоне 2011–2012 показал себя на футбольном поле, причем на игре самого высокого уровня. Как бы нам ни хотелось думать, что мы уже далеки от тех времен, когда игрокам кидали бананы и распевали песни про обезьян, правда заключается в том, что расовая дискриминация – по-прежнему актуальная проблема. Может, это сейчас и тревожит некоторых людей, но в любом клубе есть черный и белый игрок, между которыми установились уникальные отношения, которые временами могут доходить до того, что они будут отпускать расистские ремарки в адрес друг друга, делать которые любому другому члену раздевалки будет непозволительно. Да, между собой эти игроки шутят и смеются, но в моих глазах это не оправдывает расизм.

Разумеется, в эпизоде с участием Эвра и Суареса на «Энфилде» были другие обстоятельства. Наказание, которое получил Суарес, послало всем четкий сигнал, и хотя выше я уже объяснил свою точку зрения на то, что футболисты влияют на детей сильнее их собственных родителей, я готов первым признать, что мы несем ответственность перед собой, коллегами-профессионалами, своими клубами и широкой общественностью относительно того, что можно и что нельзя. И когда вопрос касается расизма, тут не может быть никакого другого пути, кроме тотального неприятия этого явления.

Новый тренер должен быстро установить в команде свою власть, чтобы этого добиться, часто приносит в жертву какого-нибудь игрока. Со мной это произошло в одном из клубов.

В то время как много усилий прилагается для борьбы с расизмом, мы попросту не имеем возможности решить проблему гомофобии, еще одной табуированной в футбольном мире темы. Когда заходит речь об этой проблеме, это обычно порождает череду абсурдных дебатов в прессе, цель которых – уж слишком предсказуемая попытка раскрыть, почему же газеты, телевидение, радио и Интернет до сих пор не нашли ни одного гей-футболиста, который бы вышел и расставил все точки на «i». Просто взгляните на вопрос, который задали Антонио Кассано в ходе Евро#2012: форварда сборной Италии спросили, правдивы ли некоторые слухи в прессе о том, что в составе итальянской команды есть два метросексуала и пара игроков нетрадиционной ориентации. И хотя ответ Кассано («Геи в сборной? Это их дела. Но я надеюсь, что таких нет!») достоин сожаления, кому какое дело до чьих-то сексуальных предпочтений?

Согласно теории вероятности, велики шансы, что в профессиональном футболе куда больше геев, чем один Антон Хюсен, швед, совершивший каминг-аут в 2011 г. Учитывая это (прошу прощения за ужасающе стереотипный подход), любой, кто хоть раз в жизни видел, как игроки приезжают на матч, наверняка мог бы подумать (и ему следовало бы это простить), что футбол – эксклюзивное зрелище для гомосексуалистов, настолько много внима-

ния тут уделяется внешнему виду, прическам и дорогим сумкам от люксовых брендов. Даже не спрашивайте, что из этих сумок при мне порой вытаскивали.

«Официально» я не знаком ни с одним футболистом-геем, хотя подозреваю, что достаточно будет одного или двух крепких коктейлей, чтобы какой-нибудь партнер доверил мне свою тайну. С чем мы все согласны, так это с тем, что есть как минимум одна веская причина, по которой игрокам-геям лучше держать в секрете свою сексуальную ориентацию: чтобы об этом не узнали болельщики. Почти все футбольные фанаты ограничиваются относительно безобидными колкостями на эту тему. Но кажется, что все чаще этим людям дозволяется переходить грань. От оскорблений из-за цвета кожи до ненависти по национальному признаку – некоторые болельщики готовы уцепиться за что угодно ради пары плоских шуток и возможности рассказать приятелям в пабе о том, что и кому они кричали во время матча.

Для того чтобы довести меня на футбольном поле, вам потребуется приложить уйму усилий, потому что в своей жизни я слышал уже все, что только можно. У одного лондонского клуба есть болельщик, который кричит мне одну и ту же фразу, с одного и того же кресла стадиона, каждый раз, когда я выхожу там играть. Теперь я просто улыбаюсь, а он смеется, счастливый от осознания того, что я услышал его, но начиналось все совсем не так уж радужно. После нескольких его выходов я уже был настолько сыт этим, что как-то раз, когда мяч покатился в сторону боковой линии, я прицелился и нанес удар с лету левой ногой (он как раз всегда сидит близко к полю), промахнувшись лишь самую малость. Только представьте, что он устроил мне после этого.

К сожалению, так вышло, что я уже зачерствел, а вот другие еще только формируют свою защитную скорлупку. Пару лет назад я видел, как один талантливый молодой парнишка обливался слезами в раздевалке из-за оскорблений, которыми его осыпали несколько клоунов на трибунах. Он никогда никому не говорил, что именно ему кричали, да и никто из нас не спрашивал, но вспоминая эту историю, я легко могу себе вообразить.

Так как в итоге, согласились бы вы в открытую признаться в своей ориентации, а потом отправиться путешествовать по стране, играя в футбол перед десятками тысяч людей, которые вас ненавидят? Я бы отказался. Я бы сидел в раздевалке, подавленный мыслью о том, что некоторые нюансы антуража нашей великой игры делают невозможным для меня любой вариант, кроме одного: держать рот на замке. Я бы также вспомнил и про Джастина Фашану, футболиста-гея, покончившего с собой в 1998 г.

Футбол с тех пор ушел дальше... или все же нет? В сентября 2008 г., на стадионе «Фраттон Парк», Сол Кэмпбелл подвергся атаке гомофобов, а один из секторов фанатов «Шпор»⁷ был заснят камерами в тот момент, когда они распевали: «Сол, Сол, где бы ты ни был, / Недолго тебе осталось до безумия, / Нам наплевать, если ты вздернешься на дереве, / Ты просто мразь, Иуда, больной ВИЧ». Приношу свои извинения, если вам не понравилось читать эти строчки. Но вы только подумайте, что испытал Кэмпбелл, когда услышал их.

Признаться, и обычные оскорбления, которым подвергаются игроки, не приятнее. Крайне редки случаи, когда великолепную игру соперника оценивают по достоинству: на потрясающий гол обычно реагируют оскорбительными жестами с трибун, а лучших игроков преимущественно освистывают и встречают таким гулом неодобрения, который, на мой взгляд, замечательным образом иллюстрирует истинное лицо нашего общества.

После всего вышесказанного я остаюсь убежденным во мнении, что футболист-гей не столкнулся бы с проблемами, решился он на каминг-аут перед своими партнерами, если бы ему вдруг дали магическую гарантию, что «никто за пределами команды никогда не узнает». Не потому что мы какая-то особая порода – даже я не стал бы вступать в спор об этом, будь против меня хоть половина сборной Англии. Все дело в том, что мы привыкли следить

⁷ «Тоттенхэма». – Примеч. пер.

за собой, а следовательно, стараемся не слишком углубляться в проблемы и трудности других игроков. При этом внутри команды ощущается потрясающий дух товарищества всякий раз, когда кто-нибудь из игроков становится мишенью для прессы, болельщиков или другой команды. В каких-то случаях этой лояльностью, пожалуй, злоупотребляют, что мы наблюдали после инцидента между Суаресом и Эвра, когда игроки «Ливерпуля» вышли на поле в футболках со словами поддержки в адрес партнера, которого признали виновным в оскорблении своего коллеги на расовой почве.

Выжить в раздевалке совсем не просто – говорите что угодно про недостаток интеллекта у спортсменов (а этим люди грешат часто), но подколы от них всегда остры, как бритва, а все, что выходит за рамки привычного, тут же становится предлогом, за который крепко ухватится любой острослов. Но именно поэтому игроку-гею было бы легко и комфортно признаться в своей ориентации здесь. Футболист есть футболист: не имеет значения, белый ты, черный, гей или гетеро. Игроки расслабленно ощущают себя в обстановке, в которой они привыкли к насмешкам и издевательствам.

Но трибуны – совсем другая история. В присутствии фанатов мы всегда настороже.

Футболисты научились справляться с огромным количеством критики, исходящей со стороны трибун, и во многом это произошло благодаря понимаю, что шанс того, что кто-то из фанатов перепрыгнет барьер и пойдет доказывать свою правоту кулаками, ничтожно мал. Поле в этом смысле воспринимается как своего рода защитный купол. За исключением, быть может, дней дерби.

Агрессия в футболе давно не новость, но можно утверждать, что по мере того, как ставки растут, враждебность между командами тоже крепнет. В преддверии принципиальной игры или дерби невозможно не почувствовать накаляющуюся атмосферу в городах. Помню, как в ходе подготовки к одному из таких матчей практически каждый человек, которого я встречал на улице, говорил мне: «Постарайтесь выиграть в воскресенье». Я не раз уже слышал подобное, но перед тем матчем эти слова воспринимались, скорее, как угроза, настолько скверными были отношения между двумя группами болельщиков.

Как правило, такие матчи не приносят игрокам много радости. Ненависть, которую я наблюдал временами, лучше всего, пожалуй, иллюстрируют заключительные пять минут матча против наших самых главных соперников. Проигрывая и отчаянно желая забить гол, мы пытались создать момент, отправляя вперед максимально возможное количество игроков. В конце концов, мы смогли нанести удар, после которого мяч улетел на трибуны наших же болельщиков, после чего судья назначил удар от ворот. Мяч, однако, назад не вернулся. Красноречивее любого другого события в том дерби будет тот факт, что ни один из наших фанатов не мог заставить себя выбросить мяч вратарю соперника, даже несмотря на то, что мы проигрывали, а времени совсем не оставалось – настолько сильной была их ненависть к команде, которую они так жаждали разбить.

За пределами поля мои отношения с фанатами переживали как взлеты, так и падения. Я обнаружил, что люди куда более смелы, когда находятся в толпе, нежели когда они стоят в одиночестве; по этой причине я стараюсь уходить со стадиона в компании того, кто провел хороший матч. Но бывали случаи, когда мне приходилось применять физическую силу для защиты своего доброго имени перед лицом разгневанных болельщиков. Я помню, как однажды в ночном клубе меня загнали в угол четверо пьяных болванов, так что мне пришлось вслепую прокладывать себе путь кулаками к двери, за которой, как я знал, уже находились вышибалы. И именно в такие моменты опасность, как для фанатов, так и для игроков, наиболее велика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.